

СОВЕТСКОЕ КИНО В ПОИСКАХ «ОБЩЕЙ МОДЕЛИ»

Оксана Булгакова

Для описания кино 1930-х годов существует набор готовых определений, используемых в зависимости от того, какой аналитической модели отдается предпочтение — оно «тоталитарно», «унифицировано», «моносемично» и «избранно», так как предлагает в силу своей фотографической природы наиболее убедительную визуализацию утопического представления о будущем и настоящем. Между тем, положение кино в ряду других искусств в 1930-е годы достаточно амбивалентно. С одной стороны, оно объявляется «самым важным из всех искусств»; с другой, инструментализируется как наиболее современное и всеохватывающее средство не только массовой пропаганды, но массового же распространения традиционных искусств (театра, музыки и литературы), что по сути полностью отрицает природу кино как самостоятельного искусства. При этом формирование нового канона в кино происходит в условиях радикального слома старой поэтики, ставшего следствием технической революции (появление звука и цвета; дискутируемые возможности изменения формата экрана; изменение чувствительности пленки и развитие осветительных приборов, что меняет, например, способ гримирования лица актера; усовершенствование звукозаписи, что влияет на тембр звучащего голоса, уже не высокого, кастрированного, как в первых опытах, но более низкого и модуляционно богатого; введение перезаписи в середине 1930-х годов, что позволило добиться полифоничности звучания при комбинировании шумов, реплик и музыки). Диапазон технических изменений на протяжении одного десятилетия шире, нежели замена маленькой подвижной немой камеры на неподвижную большую, что определило динамику внутри кадра и монтажный ритм при переходе от 1920-х к 1930-м. Тем не менее, сравнивая работу с этими новыми техническими возможностями французского кино 1930-х годов, классического кино Голливуда и советского кино, можно заметить значительную разницу, которая выявляет особенности национальной киношколы.

Поэтика этой киношколы формируется в сложном взаимодействии многих факторов. Работы последних лет, посвященные советскому кино 1930-х годов, были сосредоточены на прослеживании процесса институционализации кинематографии¹, описании цензурных механизмов² и анализе повествовательных структур, типов героя, врага, женщины, иконографии вождя³. В определенном смысле этот подход воспроизвел основную черту советской кинокритики рассматриваемого периода, когда фильм анализировался как сценарная схема, как литературный и идеологический феномен, а сама специфика кино (освещение, монтажные фигуры, выбор фактур, работа со звуком) исключалась из поля зрения. Мы попытаемся проследить, насколько стилистические перемены в советском кино 1930-х годов были связаны, с одной стороны, с технической революцией, а с другой, с определенными установками и требованием выработки некоей общей «модели советского фильма», включая определенный визуальный канон.